

Dzhyndzholiia, Gigla

Образное поле "сердце/душа" в поэтическом тексте (на материале русской поэзии XIX–XX веков)

Новая русистика. 2024, vol. 17, iss. 1, pp. 5-21

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/NR2024-1-1>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.80329>

Access Date: 21. 08. 2024

Version: 20240806

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Образное поле «сердце/душа» в поэтическом тексте (на материале русской поэзии XIX–XX веков)

The Figurative Field “Heart/Soul” in the Poetic Text (Based on the Russian Poetry of the 19th–20th Centuries)

Гигла Джинджолия

(Пльзень, Чешская Республика)

Abstract:

The article is devoted to the study of the figurative designations heart and soul. For analysis, the author uses metaphors, comparisons and nominal periphrases taken from the works of Russian poets of the 19th–20th centuries. The concept of a figurative field is substantiated, its composition is established, and its system relationships are described. The article considers stable images and ways of their reinterpretation in a number of idiostyles and traces the evolution of tropes. The continuity of some images (fire; water bodies; birds etc.), the weakening and fading of traditional semantic connections (for example, heart/soul—temple) and the emergence of new ones are noted. Semantic connections, only outlined in the poetry of the 19th century, become widespread in the 20th century (heart/soul—music; flora; human; animals, insects, fish). The 20th century sees the emergence of a figurative likening of the soul/heart to a dwelling, a home. The poetry of the 20th century is characterised by reduced associations and depoeticisation of traditionally lofty images.

Key words:

figurative field; trope; figurative designations; metaphor; comparison; periphrasis; Russian poetry

Устойчивые образные формулы, параллели, тропеические обозначения с теми или иными опорными словами и их преобразования привлекают к себе внимание лингвистов. Так, в работах Н. А. Кожевниковой прослежена эволюция тропов в языке русской поэзии XIX–XX веков [KOŽEVNIKOVA 1986; KOŽEVNIKOVA 1995, 6–79]. Описан состав образных парадигм [PAVLOVIČ 2004]. В исследовании З. Ю. Петровой рассмотрены образные обозначения эмоций [PETROVA 1995, 79–106]. В работе Л. Н. Синельниковой показан процесс метафоризации названий растительного мира в стихотворном тексте [SINELNIKOVA 2022, 47–57]. Внимание уделялось также музыкальной метафоре [CHOCHONIN 2015]. В работах А. Д. Григорьевой, И. И. Ковтуновой, М. А. Бакиной, Е. А. Некрасовой, Ю. Д. Тильман анализируется использование устойчивых языковых формул в ряде идиостилей (Ф. Тютчев, И. Анненский, С. Есенин, М. Волошин, И. Северянин, Б. Пастернак и др.) [GRIGORJEVA 1980; KOVTUNOVA 2003; BAKINA 1995, 106–143; NEKRASOVA 1994, 54–105; TIL'MAN 1999, 203–213]. В исследовании Н. А. Фатеевой рассмотрены инвариантные семантические преобразования в поэзии и прозе одного автора и в системе поэтического языка [FATEJEVA 1995, 178–260]. Дано лексикографическое описание тропов в русской литературе XIX–XX вв. [KOŽEVNIKOVA, PETROVA 2000; PAVLOVIČ 2007; KOŽEVNIKOVA, PETROVA 2010; KOŽEVNIKOVA, PETROVA 2017; PETROVA, FATEJEVA 2021].

В русской поэзии XIX–XX веков в большом количестве представлены тропеические обозначения *сердца* и *души*. Однако целостного их изучения не проводилось. Эти лексические единицы у разных поэтов подвергаются метафоризации: *сердца струна* (М. Лермонтов), *сады моей души* (Н. Гумилев), *и ветры [...] / все дуют в дудочку души* (Б. Окуджава), *в берлоге души* (И. Сельвинский); выступают как предметы сравнений: *И бьется сердце [...], / Как сжатая теснинами река* (Вяч. Иванов), *Пело сердце от восторга, / Пело весело, как птица, / Билось гордо, как источник* (И. Бунин), *Сердце скачет, как белка* (И. Бродский); и перифразируемые слова в именной перифразе (об именной перифразе: [SINELNIKOVA 1975]): *сердце — кровавый ручей* (А. Блок), *сердце — легкая птица забвений* (А. Блок), *Тесные келейки — наши сердца* (М. Цветаева).

Цель статьи — рассмотреть поле образных обозначений *сердца* и *души* в русской поэзии XIX–XX веков, описать его состав, устойчивые смысловые связи и их преобразования.

Материал исследования — тропы (метафоры, сравнения, именные перифразы), опорными компонентами которых являются слова *сердце* и *душа*. Материал получен методом сплошной выборки из произведений русских поэтов XIX–XX веков (А. Майков, Ф. Тютчев, А. Фет, Я. Полонский, И. Анненский, А. Белый, А. Блок, И. Бунин, Н. Гумилев, С. Есенин, Вяч. Иванов, Б. Пастернак,

М. Цветаева, Н. Заболоцкий, Б. Ахмадулина, И. Бродский, А. Вознесенский, В. Высоцкий, Е. Евтушенко, А. Кушнер, Б. Окуджава, А. Тарковский и др.).

Тропы, относящиеся к одному предмету изображения, группируются в семантические совокупности (образные поля, парадигмы) [PETROVA 1995, 79–106]. Метафоры, сравнения и именные перифразы с опорными словами *сердце* и *душа* могут быть объединены в образное поле. В его составе выделяются следующие семантические классы: *человек; огонь; птицы; вода; музыка; жилище, дом; растительный мир; звери, насекомые, рыбы* и др. Данные семантические классы для осмысления, образной концептуализации *сердца* и *души* в русской поэзии формировались в течение длительного времени и имеют ряд особенностей в разных идиостиллях.

Общий объем интересующего нас образного поля составляет 450 единиц, которые между названными семантическими классами распределяются следующим образом: *человек* — 127; *огонь* — 80; *птицы* — 64; *вода* — 31; *музыка* — 28; *жилище, дом* — 26; *растительный мир* — 24; *небесные тела, атмосферные явления* — 20; *звери, насекомые, рыбы* — 19; *ткани, одежда* — 18; *храм* — 7; *средства передвижения* — 6.

Семантический класс человек образуют различные наименования лиц (по возрастному параметру, социальной роли, отношению к вере, роду занятий и характеру деятельности, физическому состоянию, родственным отношениям и др.): *дитя* (А. Фет), *малютка* (А. Фет, М. Цветаева, Д. Пригов), *ребенок* (А. Тарковский), *мальчик* (А. Блок), *девочка* (А. Блок, И. Бродский, Н. Заболоцкий), *девка* (И. Бродский), *жена* (Н. Гумилев); *женщина* (О. Мандельштам), *старуха* (П. Антокольский), *схимник* (А. Блок), *еретица* (М. Цветаева), *паломница* (Б. Пастернак) и др. **Уподобление сердце — подкидыш**: *И сердце в нас подкидышем бывает, / И так же плачется и также изнывает, / О жизни и любви отчаянно взывает. / Но тщетно плачется и молится оно* (Ф. Тютчев). **Сердце — дитя, малютка, ребенок: Может быть, сердце утихнет больное / И, как дитя в колыбели, уснет** (А. Фет); *Сердце — ты малютка* (А. Фет); *Сердце дремлет, но сердце так чутко, / Помнит все: и блаженство, и боль. / Те лучи догорели давно ль? / Как забыть тебя, грустный малютка, / Синеглазый малютка король?* (М. Цветаева); *И как ребенок «мама» говорит, / И мечется, и требует покрова, / Так и душа в мешок своих обид / Швыряет, как плотву, живое слово* (А. Тарковский); *Лелеять буду там один / Я душу — бедную малютку* (Д. Пригов). **Сердце/душа — мальчик, девочка**: *О, глупое сердце, / Смеющийся мальчик, / Когда перестанешь ты биться?* (А. Блок); *Пускай лишь раз, былым дыша, / О вас поплачет втихомолку / Шалунья девочка — душа...* (А. Блок); *В мире вечернем мне холодно. Где ты, / Мальчик мой, сердце мое?* (М. Цветаева); *В качелях девочка-душа / Висела, ножкою шуриша* (Н. Заболоцкий);

[...] прекрасная, как девочка, душа, / ты так же велика, как хороша (И. Бродский); Смеялись люди за стеной, / а я глядел на эту стену / с душой, как с девочкой больной / в руках (Е. Евтушенко). **Душа — девка:** душа / как в девках ждалась, готовая озлиться (И. Бродский). **Душа — жена, женщина, старуха:** Моя душа осаждена / Безумно-странными грехами. / Она — как древняя жена / Перед своими женихами (Н. Гумилев); Кто держит зеркальце, кто баночку духов, — / Душа ведь женщина, ей нравятся безделки (О. Мандельштам); Душа, чего ты жаждала, о чем алкала? / Молчи о том, старуха! Слышишь? / Ни гу-гу! (П. Антокольский). **Душа — рабыня, раб:** Взор обжег и разум вынул, / Ночью света ослепил / И с души-рабыни скинул / Всё, чем мир ее купил (Вяч. Иванов); Как раб хранит заветный грош в заплате, / Хранит душа одну мечту — о плате (И. Бунин); И глухо стучащее сердце мое / С рожденья в рабы ей продано (В. Луговской); Когда под соснами, как подневольный раб, / Моя душа несла истерзанное тело (А. Тарковский). **Душа — нищая:** Бессонная моя душа [...] / Проснулась поутру, как нищая (М. Цветаева). **Сердце — вор:** Слушай, поганое сердце, / Сердце собачье мое. / Я на тебя, как на вора, / Спрятал в руках лезвие. / Рано ли, поздно всажу я / В ребра холодную сталь (С. Есенин). **Сердце/душа — жилица, мертвец:** О, сердце, полное тревоги, / О, как ты бьешься на пороге / Как бы двойного бытия!.. / Так, ты — жилица двух миров, / Твой день — болезненный и страстный, / Твой сон — пророчески-неясный (Ф. Тютчев); Шевелится в груди мой мертвец... / Что с тобой, мое бедное сердце? (Я. Полонский); Хвать-похвать, — а сердца нет. / Сердце — крашенный мертвец (А. Блок). **Сердце/душа — пленник/пленница:** И сердце, пленник зимних вьюг, / Вдруг разучилося сжиматься (А. Фет). Да душа не смеет / Кинуть долгий плен (И. Бунин); О, если забудется, пленница лет (о душе) (Б. Пастернак). **Сердце — схимник:** Стань, сердце, вздыхающий схимник (А. Блок); **еретица:** Скрежещущая еретица — / [...] Душа, достойная костра (М. Цветаева); **паломница:** По мнению многих, душа и паломница (Б. Пастернак). **Душа — сестра (М. Цветаева), сестрица (А. Тарковский):** Саванароловой сестра (о душе) (М. Цветаева); Почему, скажи, сестрица, / Не из райского ковша, / А из нашего напиться / Захотела ты, душа? (А. Тарковский). **Душа** уподобляется **крестьянке:** И автомата темная душа / взирает с добротой старомодной, / словно крестьянка, что рукой холодной / даст путнику напиться из ковша (Б. Ахмадулина). **Сердце — инструктор:** Но сердце, как инструктор в Шамони, / усиленно карабкается вверх (И. Бродский); **Сердце — спорщик:** Сердца не стало. / Спорщик мой где? В окнах ни зги. Пусто на кресле (И. Бродский).

В стихотворном тексте может быть несколько разнотипных образных ассоциаций к опорным словам *сердце* и *душа*. Так построено стихотворение М. Цветаевой «Душа, не знающая меры» (душа — бабочка из хризалиды, смоляной высокий жгут, скрежещущая еретица, саванароловой сестра): Душа, не знающая

меры, / Душа хлыста и изувера, / Тоскующая по бичу. / Душа — навстречу палачу, / Как бабочка из хризалиды! / Душа, не съевшая обиды, / Что больше колдунов не жгут. / Как смоляной высокий жгут / Дымящая под власяницей... / Скрежещущая еретица, / — Саванароловой сестра — / Душа, достойная костра. Подобным образом построены стихотворения Б. Пастернака «Баллада» и «Душа». В «Балладе» (сердце — курьер на борзом коне, пожизненный собеседник): *Бывает, курьером на борзом / Расскачется сердце, и точно / Отрывистость азбуки Морзе, / Черты твои в зеркале срочны. / Я знал, что пожизненный мой собеседник, / Меня привлекая страшнойшей из тяг, / Молчит, крепясь из сил последних.* В стихотворении «Душа» (душа — вольноотпущенница, пленница лет, паломница, тень без особых примет): *О вольноотпущенница, если вспомнится, / О, если забудется, пленница лет. / По мнению многих, душа и паломница, / По-моему, — тень без особых примет.* Как развернутый метафорический образ души строится стихотворение Н. Заболоцкого «Не позволяй душе лениться»: *Не позволяй душе лениться! / Чтoб в ступе воду не толочь, / Душа обязана трудиться / И день и ночь, и день и ночь! // [...] Не разреши ей спать в постели / При свете утренней звезды, / Держи лентяйку в черном теле / И не снимай с нее узды! // [...] Она рабыня и царица, / Она работница и дочь, / Она обязана трудиться / И день и ночь, и день и ночь.*

Очень важным регистром осмысления сердца и души в поэзии XIX века является **семантический класс огонь**: *И лишь с последнею святыней / Ты пламень сердца схоронил* (М. Лермонтов); *Я ль виновен в том, / Что люди угасить в душе моей хотели / Огонь божественный, от самой колыбели / Горевший в ней, оправданный творцом?* (М. Лермонтов); *Сердце пышет все боле и боле, / Словно уголь в груди я несущу* (А. Фет); *Еще душа пылает, / По-прежнему готова мир объять* (А. Фет); *Душа горит и силится во мне / Залить в груди огонь жемчужной пеной* (А. Фет); *Литой изржавеет металл, / Но влитый в стих сердечный пламень / В нем вечный образ восприял* (А. Майков); *Его душа испепелилась, / Вся в бурях творчества сгоря* (А. Майков). В стихотворении И. Анненского «Я думал, что сердце из камня» в сердце огонь становится событием, которое описывается как процесс его непосредственного восприятия лирическим героем: *Я думал, что сердце из камня, / Что пусто оно и мертво: / Пусть в сердце огонь языками / Проходит — ему ничего. / И точно: мне было не больно, / А больно, так разве чуть-чуть. / И все-таки лучше довольно, / Задуи, пока можно задуть... / На сердце темно, как в могиле, / Я знал, что пожар я уйму... / Ну вот [...] и огонь потушили, / А я умираю в дыму.*

Смысловая связь сердце/душа — огонь широко распространена и в поэзии XX века: *Полубойся равнодушно, / Как сердца горят над бездной. / Их костры далеко зрими, / Озаря мрак окрестный; Ты, душа, порожденье огня* (А. Блок); *Где сердце запылает, не сгорая? / В какой пустыне явится глазам, / Блеснет сиянье розового*

рая? (Н. Гумилев); *В сердце бедном много зла / сожжено и перемолото* (А. Белый); *И сердца незаконный пламень — / Его ребяческая месть* (О. Мандельштам); *Сбираешь умилений светлых дань, / Росу любви, в кристаллы горных лилий / И сердцу шепчешь: «Угаси пожар! / Довольно полдни жадный дол палили»* (Вяч. Иванов); *Лишь теперь душа всю сладость / Поняла, какой горела!* (Вяч. Иванов); *О да, он — мудр! Но сердце в нем чуть тлеет: / Как огонек под кизяком* (И. Бунин).

Образ огня используют М. Цветаева, Б. Пастернак, А. Ахматова: *Из ночи в ночь валандавшись, / Гормя горит душа* (Б. Пастернак); *Смерти довериться, смелые, / Что вас заставило, что? / Ужас ли дум неожиданных, / Душу зажегший вопрос...* (М. Цветаева); *О, сказавший, что сердце из камня, / Знал наверно: оно из огня* (А. Ахматова). Этот образ встречается у многих поэтов: *Необходимо сердцу быть огнивом* (И. Сельвинский); *Когда, измученный работой, / Огонь души моей иссяк...* (Н. Заболоцкий); *Вот так и мы с тобой живем / Душа горит и тело тает* (А. Тарковский); *Огонь души в ее слепом полете / не виден был бы здесь давным-давно, / не будь у нас почти прозрачной плоти* (И. Бродский); *Огонь сосны с огнем души / В печи перемешайте* (Б. Окуджава); *И вихрем чувств пожар души задуло, / И я не смел или забыл дышать* (В. Высоцкий); *Его сердце как пламень адовый / все вокруг, все — и лед, и его собственную плоть до тла сжигающий, лишь ее сердца остывшего растопить не в силах* (Д. Пригов).

Отметим высокую степень преемственности в использовании элементов семантического класса *огонь*. У разных поэтов встречаются сочетания с именами *огонь* и *пламень* (М. Лермонтов, И. Анненский, А. Блок, А. Ахматова и др.), глаголами *гореть*, *сгорать* (А. Фет, А. Майков, А. Блок, Вяч. Иванов, И. Бунин, Б. Пастернак, А. Ахматова, А. Тарковский, Б. Окуджава), *гаснуть*, *угасать* (М. Лермонтов, А. Блок, Вяч. Иванов, И. Сельвинский), *пылать*, *запылать* (А. Фет, Н. Гумилев). Одни поэты для таких уподоблений «предпочитают» только *пламень* (Н. Гумилев, О. Мандельштам, Д. Пригов), другие — только *огонь* (А. Фет, И. Бунин, А. Ахматова). Ряд поэтов использует оба этих синонима (М. Лермонтов, А. Майков, И. Анненский, А. Блок, Н. Заболоцкий). Некоторые единицы данного семантического класса встречаются только у одного автора: *куриться* (А. Блок), *тлеть* (И. Бунин), *огниво* (И. Сельвинский) и др.

Традиционный характер имеет осмысление *сердца* и *души* через компоненты семантического класса *птицы*. В XIX веке смысловая связь *душа/сердце — птица* характерна, например, для творчества Ф. Тютчева, А. Фета, А. Майкова и др. Используются наименования частей тела птиц (*крылья* — Ф. Тютчев, А. Фет, А. Майков), видовые названия птиц (*голубь* — А. Фет; *соловей* — А. Майков), словообразовательные связи (*птичка* — А. Фет), активны в тропах глаголы, обозначающие различные действия, характерные для птиц (*парить*, *вспорхнуть*, *упорхнуть* и др.): *Ах, если бы живые крылья / Души, парящей над толпой, / Ее*

спасли от насилья / Бессмертной пошлости людской (Ф. Тютчев); Взглянул — и пылкое навстречу сердце рвется! / Так, голубь, бурю застигнутый, в стекло, / Как очарованный, крылом лазурным бьется (А. Фет); Встрепенись, взмахни крылами, / Торжествуй, о сердце, пой (А. Майков).

В XX веке образ *сердце/душа* — *птица* сохраняется. К нему обращаются А. Блок, С. Есенин, И. Бунин, А. Ахматова, А. Тарковский, И. Бродский и др. Традиционный элемент данного семантического класса — родовое обозначение *птица*: *Ты прости, что я в бога не верую — / Я молюсь ему по ночам. / Так мне нужно. И нужно молиться. / И, желая чужого тепла, / Чтоб душа, как бескрылая птица, / От земли улететь не могла (С. Есенин); Душа, усилье медиков — ничто. / Она куда-то улетит, как птица, / На дальнее, на новое гнездо (Д. Самойлов); Почему, скажи, сестрица, / Не из райского ковша, / А из нашего напиться / Захотела ты, душа? / Человеческое тело / Ненадежное жильё, / Ты влетело слишком смело / В сердце темное мое. / Тело может истомиться, / Яду невзначай глотнуть, / И потянешься, как птица, / От меня в обратный путь (А. Тарковский); Скажи, душа, как выглядела жизнь, / как выглядела с птичьего полета? / Покуда снег, как из небытия, / кружит по незатейливым карнизам, / рисуй о смерти, улица моя, / а ты, о птица, вскрикивай о жизни (И. Бродский); Подобье птиц. Душа его чиста (И. Бродский); И душа моя [...] / Реет, плачет, словно птица, / В заколдованном краю (Н. Заболоцкий); И сердце бьется раненою птицей (В. Высоцкий); X — это сердце страдает-томится / и Ц — это сердце страдает-томится / и Ч — это сердце страдает, как птица / а Ш — это сердце уже оттомилось (Д. Пригов).*

В поэзии XX века также используются видовые названия *птиц*. Уподобление *сердца* и *души* голубю переходит из XIX века в XX век: *Когда зарницу ветром раздувало, / А у меня уж запеклись уста / И сердце трепетало, точно голубь (И. Бунин).* Круг видовых обозначений *птиц* значительно расширяется: **ворон** (Вяч. Иванов), **чайка** (И. Бунин), **сокол** (Б. Пастернак), **дятел** (И. Сельвинский, И. Бродский), **синица** (А. Тарковский), **попугай** (И. Бродский), **стрижи** (А. Вознесенский), **касатка** (Н. Заболоцкий), **выпь** (Д. Пригов): *Я помню сон, / Всех воронов души черней, / Всех вестников верней: / Посол чистилища, он в ней — / как похоронный звон (Вяч. Иванов); Мне снилась осень в полусвете стекол, / Друзья и ты в их шутовской гурьбе, / И как с небес добывший крови сокол, / Спускалось сердце на руки к тебе (Б. Пастернак); В сердце твоём оголтелый дятел / Не для меня долбит о любви (И. Сельвинский); Все сгибается, бьется, кричит; / но меж ними достаточно внятно — / в этих «ребрах» — их сердце стучит, / черно-красное в образе дятла (И. Бродский); Пой, бродяжка, пой, синица, / Для которой корма нет (о душе; А. Тарковский); Знай, что душа со временем пополам / может все повторить, как попугай (И. Бродский); В моих горах стрижами заплещутся / души пойманные твои (А. Вознесенский); И душа*

моя касаткой / В отдаленный край летит (Н. Заболоцкий); Минутой сердце защемило, / И вскрикнуло последней выпью / То сердце, пролетая выше (Д. Пригов).

Уподобление **сердце/душа** — **крыло**, употребительное в поэзии XIX века, часто повторяется и в XX веке (А. Блок, Н. Гумилев, А. Белый, И. Бунин, М. Цветаева, А. Ахматова). Кроме того, возникают тропы со словами **перышко** (А. Тарковский), **клювик** (Н. Заболоцкий).

В контексте стихотворения возможны построения троп в тропе, выполненные в одном образном ключе. Так, у А. Блока перифразы и сравнения взаимодействуют, переходят друг в друга в развернутой метафоре: *Сердце — легкая птица забвений / В золотой пролетающий час: / То она, в опьяненьи кружений, / Пляской тризну справляет о вас. / Никого ей не надо из скромных, / Ей не ум и не глупость нужны, / И не любит, наверное, темных, / Прислоненных, как я, у стены... / Сердце, взвейся, как легкая птица, / Пролети ты, любовь разбуди, / Истоми ты истомой ресницы, / К бледно-смуглым плечам припади! / Сердце бьется, как птица томится — / То вдали закружилась она — / В легком танце летящая птица, / Никому, ничему не верна (А. Блок).* Варьируется один и тот же образ. От перифразы *легкая птица забвений* отталкивается развернутая метафора, в ткань которой вплетаются сравнения (*сердце, взвейся, как легкая птица* и *сердце бьется, как птица томится*), предвещающие появление перифразы *летящая птица (В легком танце летящая птица, / Никому, ничему не верна)*, заканчивающей стихотворение. *Птица* у А. Блока часто наделяется эпитетом *белая*, который имеет в его поэзии символический смысл: *Неустающим слухом ловит / далекий зов другой души... / Так — белых птиц над океаном / Неразлученные сердца; Твоя душа себе берет / Прекрасный образ белой птицы.* По словам И. И. Ковтуновой, в поэзии А. Блока «одно из символических значений слова *белый* — неземная сущность, небесная чистота, высший божественный свет» [KOVТУНОВА 2003, 16]. Разные образы сравнения к одному предмету речи встречаются у многих поэтов. Например, у И. Бунина (*птица* и *источник*): *Пело сердце от восторга, / Пело весело, как птица, / Билось гордо, как источник.*

Как в XIX в., так и в XX в. активны элементы **семантического класса вода**: **океан** (М. Лермонтов), **море** (М. Лермонтов, А. Блок, Вяч. Иванов); **речная гладь** (А. Блок), **река** (Вяч. Иванов, И. Бунин), **речка** (И. Бродский); **родник** (М. Лермонтов, А. Фет, Я. Полонский), **ключ** (А. Майков), **ручей** (А. Блок), **источник** (И. Бунин); **волна** (Я. Полонский, И. Бунин); **озеро** (Н. Заболоцкий).

Уподобление **сердце/душа** — **океан**: *В душе моей, как в океане, / Надежд разбитых груз лежит (М. Лермонтов).* **Сердце/душа** — **море**: *В глазах — как на небе светло, / В душе ее темно, как в море (М. Лермонтов); Моря души просторны и безбрежны (А. Блок).* **Сердце/душа** — **прилив, отлив** и **разлив**: *И сердце мое, как море, / Там бури, прилив и отлив, / В его глубинах много /*

Жемчужных дремлет див (А. Блок); *У вас в душе приливы и отливы* (М. Цветаева); *Рослый стрелок, осторожный охотник, / Призрак с ружьем на разливе души! / Не добрай меня сотым до сотни, / Чувству на корм по частям не кроши* (Б. Пастернак). **Сердце/душа — ручей**: *Видишь: сердце — кровавый ручей* (А. Блок). **Сердце/душа — речная гладь, река, речка**: *Сердце все открыто, как речная гладь, / Если хочешь видеть, можешь увидеть* (А. Блок); *И с высот знакомых вижу вновь раздельным водосклон / Рек души, текущих в вечность — и в земной, старинный сон* (Вяч. Иванов); *И бьется сердце сладко-подневозльно, / Как сжатая теснинами река* (Вяч. Иванов); *И мое темнее сердце, / Как река, когда над нею / Облака бросают тени* (И. Бунин); *Доктор Фрейд, покидаю Вас, / сумевшего (где-то вне нас) на глаз / над речкой души перекинуть мост, / соединяющий пах и мозг* (И. Бродский). **Сердце/душа — родник, ключ**: *Случится ли тебе в заветный чудный миг / Открыть в душе давно безмолвной / Еще неведомый и девственный родник, / Простых и сладких звуков полный* (М. Лермонтов); *Земли ль из сердца ключ шипящий / Истоки тайные пробил?* (А. Майков); *Мое сердце — родник, моя песня — волна, / Пропадая вдали, — разливается* (Я. Полонский). **Сердце/душа — волна**: *Улыбнешься ли, родная, — / Сердце вновь дрожит и блещет, / Как под солнцем блещут волны, / Что рябит холодный ветер* (И. Бунин). **Сердце/душа — водопой**: *Провалы отроческих глаз! — Пролеты! / Душ раскаленных — водопой. / — Оазисы! — Чтоб всяк хлебнул и отпил, / И захлебнулся пустотой* (М. Цветаева). **Сердце/душа — озеро**: *Пусть душа, словно озеро, плещет / У порога подземных ворот* (Н. Заболоцкий). *Сердце и душа ассоциируются с жидкостью (текущее сердце, душа течет, сердце текло): И руки поднял, и с ногтей / Текучим сердцем наземь капишь* (Б. Пастернак); *Течет твоя душа в мою* (М. Цветаева); *Всю ночь, до самого света, / Пока не стало светло, / Качалось сердце поэта — / Кипело, пело, текло* (Д. Самойлов).

Как видно из приведенных примеров, образы *океана, родника и ключа* встречаются только в поэзии XIX века. Ряд образов характерен только для XX века (*ручей, озеро, водопой*). Уподобление *сердце/душа — море*, зафиксированное в поэзии XIX века, известно и поэтам в начале XX века. В дальнейшем это уподобление не используется. «Притягательными» образами для А. Блока и М. Цветаевой являются *прилив и отлив*, которых нет у других поэтов. Образы, в основе которых лежат мифологические представления, связанные с *рекой* (Вяч. Иванова), в поэзии более позднего времени разрушаются (И. Бродский).

Единицы **семантического класса музыка** ограниченно представлены в поэзии XIX века. Характерным является уподобление *сердце/душа — струна, арфа*. Этот образ встречается, например, у М. Лермонтова, А. Фета, Я. Полонского, И. Анненского: *Вдруг стон тяжелый вырвался из груди, / Как будто сердца лучшая струна / Оборвалась* (М. Лермонтов); *Душа порою в сон погружена, — / Но лишь*

краса душевная коснется / Усталых глаз — бессмертная проснется / И звучно затрепещет, как струна (А. Фет); Чью-то душу слышу я, / В струнных звуках долетает чье-то сердце / До меня (Я. Полонский). У И. Анненского появляются образы лиры и бубенчика: *О сердце! Когда, леденя, / Ты смертный почувствуешь страх, / Найдется ль рука, чтобы лиру / В тебе качнуть, / Миру, желанному миру, / Тебя, мое сердце, вернуть?* (И. Анненский); *А сердце [...] бубенчиком бьется / Так тихо у плотной шлеи* (И. Анненский).

В XX веке образы *струны* и *арфы* сохраняются у А. Блока, Н. Гумилева, И. Сельвинского, И. Бродского, В. Высоцкого. *Струны* могут быть *сердечные*, «усыпленные жизнью» (А. Блок), *задушевные* (И. Бродский), *серебряные* (В. Высоцкий). Так, у А. Блока: *Как ты рвала без сожаленья / Моих сердечных струн четы!* В поэзии А. Блока встречаются разные виды сочетания, взаимодействия тропов, например, генитивная метафора осложняется метафорическим эпитетом и сравнением с союзом *как*: *И напев приглушенный и юный / В затаенной затронет тиши / Усыпленные жизнью струны / Напряженной, как арфа, души.* Тропы здесь образуют «смысловую цепочку с переходящими друг в друга элементами смысла» [KOVТUNOVA 2003, 27].

У Н. Гумилева *арфа* выполняет роль медиатора внутреннего диалога с душой (о внутреннем диалоге в поэтической речи: [KOVТUNOVA 1986, 61–66]: *И отвечала мне моя душа, / Как будто арфы дальние пропели: / «Зачем открыла я для бытия / Глаза в презренном человеческом теле?».* У И. Сельвинского: *Душевные страдания как гамма: / У каждого из них своя струна.* Для И. Бродского *лира* — проявление поэтического творчества: *Ну, время песен о любви, ты вновь / склоняешь сердце к тикающей лире, / и все слышней в разноголосом клире / щебечет силлабическая кровь.* С поэтическим творчеством связаны *струны* и у В. Высоцкого: *Влезли ко мне в душу, рвут ее на части, / Только не порвите серебряные струны!; Загубили мне душу, отобрали волю, / А теперь и порвали серебряные струны.*

Круг музыкальных ассоциаций в XX веке значительно расширяется. Новые единицы — *литавры*, *капельмейстер* (А. Блок), *напев* (И. Бунин), *нота* (И. Бродский), *музыка* (И. Бродский, П. Антокольский), *раструб* (А. Тарковский), *дудочка* (Б. Окуджава). Приведем примеры: *Нет, уселся капельмейстер / В сердце собственном моем, / Чувствую, как такт он держит* (А. Блок); *Он жалок был, но я душой привычной / В нем уловил напев родной души* (И. Бунин); *Точно так же движенье души, / что сродни умолкающей ноте, / замирающей в общей тиши* (И. Бродский); *Ах, Шуберт, Шуберт! Твой «Двойник» / В раструб души ее проник, / И рокотал, и сердце ранил, / И душу страстную тиранил* (А. Тарковский); *Там птицы каркают и стонут. / Синют к ночи камыши, / и ветры с грустною истомой / все дуют в дудочку души* (Б. Окуджава).

Как видим из примеров, в XIX веке преимущественно используются названия струнных музыкальных инструментов. В XX веке к ним добавляются различные названия ударных и духовых инструментов, слова, передающие характер звучания инструмента, музыкальные термины, название лица, связанного с музыкой, используется слово *музыка* и т. д.

В XX веке возникают образы, связанные с **семантическим классом жилища, дом**. «Жилищный» регистр концептуализации *сердца* и *души* используют многие поэты XX века. Встречаются родовые и видовые названия: **дом** (А. Блок, М. Цветаева), **хижина** (Н. Заболоцкий). *Сердце/душа — дом: О, черен взор твой, ночи тьма, / И сердце каменное глухо, / Без сожаленья и без слуха, / Как те ослепшие дома* (А. Блок); *В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом доме* (М. Цветаева). **Сердце/душа — хижина**: *Слова, которые вонзаются, как пламя, / И, в душу залетев, как в хижину огонь, / Убогое убранство освещают* (Н. Заболоцкий). Сопоставление *сердце/душа — хижина* имеет в XX веке единичный характер.

Развивается образное сопоставление **сердце/душа — части дома, жилища, здания**: **окно** (А. Блок, И. Бунин), **окошко** (А. Блок), **створка** (Б. Ахмадулина), **форточка** (А. Вознесенский), **дверь** (Н. Гумилев, А. Межиров, В. Высоцкий). Например: *И дышит утро в окошко твое, / Вдохновенное сердце мое* (А. Блок); *И открылось в сердце дверца* (Н. Гумилев); *И в сердце моем так могильно, / Как мерзлое окно* (И. Бунин); *Если правда, душа в каждой клеточке, / свои форточки отвори* (А. Вознесенский); *И прямо в двери сердца моего / Стучится ночь, бездонная, веселая* (А. Межиров).

Активизируется уподобление **сердца/души отдельным помещениям в доме, жилище**: *В моей душе, как келья, душевой / Все эти песни родились* (А. Блок); *Тесные келейки — наши сердца* (М. Цветаева); *Души в нас — залы для редких гостей, / Знающих прелесть тепличных растений. / В них отдыхают от скорбных путей / Разные милые тени* (М. Цветаева); *Мне страшно в комнате / души твоей* (Е. Евтушенко); *Я выйду, ослепший как узник, / и выдам под хохот и вой: / «Душа — совмещенный санузел, / где прах и озноб душевой. / Поэты и соловьи поэтому и священны, / как органы очищенья, / а стало быть, и любви»* (А. Вознесенский). Нередко подобные уподобления переводятся в бытовой план. В стихотворении, посвященном В. Брюсову, М. Цветаева превращает *сердце* в предмет обстановки (ночник): *Я забыла, что сердце в вас — только ночник, / Не звезда. Я забыла об этом.*

Единицы **семантического класса растительный мир — лист, яблоня, стебель, васильки, розы, мак, сад** и др.: *Как юных листьев миллионы, / Обращены к тебе сердца* (А. Фет); *Так что ж под зиму, как листья, / Дрожишь, о сердце, ты...* (И. Анненский); *В листьях матовых шурша, / Шелестит еще душа* (А. Блок); *Страстью длинной, безмятежной / Занялась душа моя, / Ирис дымный, ирис*

нежный, / Благовония струя (А. Блок); Сады моей души всегда узорны, / В них ветры так свежи и тиховейны, / В них золотой песок и мрамор черный, / [...] Растенья в них, как сны, необычайны (Н. Гумилев); Васильками сердце светится, горит в нем бирюза. / Я играю на тальяночке про синие глаза (С. Есенин); Рву я по грядкам зардевшийся мак. / Маком влюбленное сердце цветет (С. Есенин); Хорошо под осеннюю свежесть / Душу-яблоню ветром стряхать (С. Есенин); И душа, как стебель тонкий / Под росинкой скатной, никнет (Вяч. Иванов); А сердце — отчего так медленно оно / И так упорно тяжелеет? / То всею тяжестью идет ко дну, / Соскучившись по милом иле, / То, как соломинка, минуя глубину, / Наверх всплывает без усилий (О. Мандельштам); Но просит / Сердце любви, как цветок (И. Бунин); Не стремлюсь ли я всем сердцем / К сердцу милой, к сердцу милой, / Как ростки стремятся к солнцу (И. Бунин); Как колос налитой, / Полна душа (И. Бунин); Трепещет сердце / И поет тебе в восторге, / Как поют, вздыхают ветви (И. Бунин); Сердца тебе ясны, как травы (М. Цветаева); Я знаю: не сердце во мне, — сердцевина / На всем протяженьи ствола (М. Цветаева); Так пусть удача светит ей, / Душе, опрятной, как растение (Ю. Мориц); Это твое, тихий дождь, шум, подхваченный чащей, / так что сердце шумит, как ивовый веник (И. Бродский); Мгновенно слово. Короток век. / Где ж уместается человек? / Как, и когда, и в какой глуши / распускаются розы его души? (Б. Окуджава).

Растительные образы характерны для С. Есенина. Интерес к ним во многом отражает особенности лексики и идиостиля поэта в целом [STEPANČENKO 1991, 46–67]. Состав растительной парадигмы является «относительно стабильным во все периоды творчества С. Есенина. Изменения в использовании данной парадигмы связаны не с ее составом, а с функциями в художественном тексте» [STEPANČENKO 1991, 63–64].

Сердце и душа в русской поэзии XIX–XX веков ассоциируются с сущностями, которые относятся к **семантическим классам небесные тела и атмосферные явления**. **Небесные тела (звезды, солнце)**: Среди несметных звезд полночи / Как эти две глядят мне в очи... / Им не сойтись никогда. / Среди людей так часто двое... / И оба сердца пышут страстью, / И оба сердца рвутся к счастью, / И счастье вечно далеко (А. Фет); Как солнце сквозь этих сверкающих капель — / Твоя, освеженная горем, душа (А. Майков). **Атмосферные явления (вьюга, метель, снег, туча, облако и др.)**: Я сердце вьюгой закрутил, / Я бросил сердце с белых гор, / Оно лежит на дне (А. Блок); Ненужно ранняя весна [...] / Склонилась, давит мне на грудь, / И в сердце, смятое метелью, / Бесстыдно хочет заглянуть (А. Блок); Зато душа чиста, как снег (С. Есенин); Чьи-то души бесследно, / растворяясь вдали, / словно белые снега, / идут в небо с земли (Е. Евтушенко); Полсердца — туча грозовая, / Под ней — всё глушь, всё немота (А. Блок); И сердце, точно солнце, / Расплавленное, жжет, / И, пышно и огромно (А. Блок); Ночью душу

твою целовал бы, / Обнимал бы, как сонный туман (А. Блок); *То, что мы зовем душой, / Что, как облако, воздушно / И блестит во тьме ночной / Своенравно, непослушно* (А. Кушнер); *Душа незаметна, потому что легка как дымка* (Д. Пригов).

В поэзии XIX века используются сочетания *сердца* и *души* со словами *звезда*, *солнце*, *месяц* (А. Фет, А. Майков). Этот тип связи развивается в поэзии А. Блока, И. Бунина, А. Ахматовой, но в дальнейшем утрачивается. В XX веке появляются новые смысловые связи: *туман* (А. Блок), *облако* (О. Мандельштам, И. Бродский, А. Кушнер), *дымка* (Д. Пригов).

Сердце/душа осмысливается сквозь призму семантического класса *звери, насекомые, рыбы*. Смысловые связи, развивающие этот семантический класс, не характерны для поэзии XIX века. Сравнение *души* с *пчелой* мы фиксируем у А. Фета: *А душа моя так же перед самым закатом / Прилетела б со стоном сюда, как пчела, / Охмелеть, упиваясь таким ароматом*. В XX веке эти связи чрезвычайно активизируются. *Сердце и душа* уподобляются *пчеле* (А. Блок), *змее* (Н. Гумилев), *теленку* (С. Есенин), «*зверьку в тибетском храме*», *дельфину* (О. Мандельштам), *бабочке* (М. Цветаева), *зверю* (А. Ахматова, А. Тарковский), *лошади, белке, мыши* (И. Бродский), *рыбе, зверенышу, щенку* (А. Вознесенский), *копыту* (И. Губерман). Приведем примеры: *И душа, летя на север / Золотой пчелой, / В алый сон, в медовый клевер / ляжет на покой* (А. Блок); *Знать, недаром в сердце мукал / Издыхающий телок* (С. Есенин); *Как осетр в сетях трепещет, / Бьется бешено, чтоб сети / Разорвать и прыгнуть в воду, / Так в груди у Гайаваты / Сердце сильное стучало* (И. Бунин); *Душа — навстречу палачу, / Как бабочка из хризалиды* (М. Цветаева); *Я голосую за: / То, чтоб дверью стала дверь, / Замок опять замком, / Чтоб сердцем стал угрюмый зверь / В груди* (А. Ахматова); *Как зверь, оцерившись, — / пошла добру помочь, / Душа...* (А. Тарковский); *Сердца рвались, / метались и храпели, / как лошади* (И. Бродский); *Сердце скачет, как белка, в хворосте / ребер* (И. Бродский); *Душа твоя впоследствии как мышь* (И. Бродский); *Душа моя, мой звереныш, / Меж городских кулис / Щенком с обрывком веревки / Ты носишься и скулишь* (А. Тарковский).

В XX веке образ *сердце — звери* развивается и через отношение «целое — часть», например, возникает сравнение *душа, как копыто*: *С душою, раздвоенной, как копыто, / обеим чужероден я отчизнам* (И. Губерман). Развитием смысловой связи *душа — зверь* является уподобление *души* жилищу животного (*берлога, логово*). Такой способ уподобления облекается, например, в метафорическую форму у И. Сельвинского, форму сравнения у В. Высоцкого: *Пусть оплетает лукавая сеть — / В берлоге души тебя сохраню* (И. Сельвинский); *Но в душе, как в логове, / Затаился волк* (В. Высоцкий).

Широкий круг образных ассоциаций связан с семантическим классом **ткани, одежда**: *Душа моя... / [...] тихонько молится, / Приподняв свою шляпу* (А. Блок); *Приди, ласкающая тень, / И душу смутную одень / Своею ризою жемчужной* (Н. Гумилев); *Но ризой думы важной / Всю душу мне одень* (О. Манделштам); *Душа и волосы — как шелк* (М. Цветаева); *стенает во мне / Назревшее сердце, мой друг в матинэ?* (Б. Пастернак); *А любовь на фотопленке / Душу держит за рукав* (А. Тарковский); *Как плащ, летит его душа* (Н. Заболоцкий); *души обладают тканью, / материей, судьбой в пейзаже* (И. Бродский); *Душу затянут большой вуалью* (И. Бродский); *Вдруг при свете, нагло, в две руки / Крал тоску из внутренних карманов / Наших душ, одетых в пиджаки* (В. Высоцкий); *Получал Алеха / Дырки новые в душе. / Для того ль он душу, / Как рубаху, залатал* (В. Высоцкий). Семантический класс *ткани, одежда*, состоявший в начале XX века из небольшого набора элементов, в более позднее время расширяет свой состав. *Риза* (Н. Гумилев, О. Манделштам) уступает место *плащу* (Н. Заболоцкий), *рубахе, тельняшке* (В. Высоцкий) и др. Элементы данного семантического класса для характеристики *сердца* и *души* наиболее активны у А. Блока, В. Высоцкого, И. Бродского.

Для в XIX века характерно обращение к **семантическому классу храм**. С храмом ассоциируются *душа* и *сердце*, например, у М. Лермонтова, А. Фета: *Моя душа твой вечный храм; / Как божество, твой образ там* (М. Лермонтов); *Перед тобой во храмине сердечной / Я затворюсь / И юности ласкающей и вечной / В ней молюсь* (А. Фет). В XX веке образ *храма* встречается у А. Блока: *Пока в душе горит огнями храм, / Чтоб сердце богу поклонилось. Душа* сравнивается с «намогильной часовней» у И. Бунина, с храмом — у М. Цветаевой: *Она молчит, — ее душа теперь / Пуста, как намогильная часовня, / Где над немой гробницей день и ночь / Горит неугасимая лампада* (И. Бунин); *Твоя душа — куда ушла? / В шкафу — двустворчатом, как храм* (М. Цветаева). Обратим внимание на бытовой характер ассоциаций, связанных с *храмом*, у Цветаевой в приведенном примере («Надгробие», 1935). Во второй половине XX века образная параллель *душа — храм* ослабевает и угасает.

В XX веке широко представлены единицы **семантического класса средства передвижения**: *ладья, корабль* (А. Блок), *фаэтон* (Б. Пастернак), *самолет* (А. Кушнер, В. Высоцкий), *кляча* (В. Высоцкий) и др. Уподобление *душа — ладья, корабль*: *На новый океан, сердитый и безбрежный, / Усталую ладью души моей спущу* (А. Блок); *Здесь тишина цветет и движет / Тяжелым кораблем души* (А. Блок). *Сердце — фаэтон*: *Да, надо, чтоб с отвагой юноши / Скиталось сердце фаэтоном, / Чтоб вышло из моей полуночи / Оно тяглом к твоим затонам* (Б. Пастернак). *Душа — самолет*: *То, что мы зовем душой, / [...] как самолет, / Тоньше колющей булавки, / Корректирует с высот / Нашу*

жизнь, внося поправки (А. Кушнер); А по облакам скользя, / Взлетят наши души, как два самолета, — / Ведь им друг без друга нельзя (В. Высоцкий). Душа — кляча: И ударит душа на ворованных клячах в галоп (В. Высоцкий). Для сопоставления выбирается синоним со стилистически сниженным значением (*кляча*). Огрубление традиционных образов в XX веке получает широкое распространение.

Подведем итоги

Для русской поэзии XIX–XX веков характерно широкое использование тропических обозначений *сердца* и *души*. Тропы с данными опорными словами объединяются в образное поле. Его составные части — семантические классы *человек; огонь; птицы; вода; музыка; жилище, дом; растительный мир* и др., которые служат средствами осмысления, концептуализации, выступают «регистрами» образной характеристики *сердца* и *души*.

Образы, широко распространенные в XIX веке, сохраняются и развиваются в XX веке. К ним, например, относятся традиционные образы *сердце/душа — огонь; вода; птицы*, которые по-разному преломляются в идиостилях.

Отметим значительное расширение круга образных ассоциаций в XX веке по сравнению с XIX веком (*сердце/душа — человек; музыка; растительный мир; звери, насекомые, рыбы*). Например, смысловая связь *сердце/душа — человек* конкретизируется через ассоциации, связанные с наименованиями лица. В XIX веке их круг ограничен: *сердце — дитя, малютка (А. Фет), подкидыш (Ф. Тютчев)*. В XX веке такие ассоциации встречаются довольно часто. Для уподобления привлекаются термины родства, обозначения профессий и рода занятий человека, его склонностей, физического состояния и др. Среди наименований лиц преобладают слова женского рода: *жена (Н. Гумилев), женщина (О. Мандельштам), сестра (М. Цветаева), сестрица (А. Тарковский), крестьянка (Б. Ахмадулина), старуха (П. Антокольский)*. Иногда встречаются и слова мужского рода: *сердце — схимник (А. Блок), спорщик (И. Бродский)*. Можно сказать, что женские образы доминируют над мужскими. При этом *сердце* обычно ассоциируется с образным наименованием мужского рода, *душа* — со словами женского рода, например, у А. Блока: *сердце — мальчик, душа — девочка. Сердце предстает в мужском образе, душа — в женском: Душа ведь женщина, ей нравятся безделки [...] (О. Мандельштам)*. Но *душа* может уподобляться и образному наименованию мужского рода, например, *душа — раб (И. Бунин, А. Тарковский)*.

Некоторые традиционные для XIX века смысловые связи ослабевают и угасают в XX веке (уподобление *сердце/душа — храм*). С *храмом* ассоциируются

сердце и *душа*, например, у М. Лермонтова, А. Фета. Этот образ из XIX века переходит в поэзию начала XX века (А. Блок). Во второй половине XX века образ *храма* для осмысления *сердца* и *души* не используется.

Корпус образных обозначений *сердца* и *души* подтверждает отмечаемую исследователями [KOŽEVNIKOVA 1995, 43–47; PETROVA 1995, 89] особенность поэзии XX века — депозитизацию, снижение традиционно высоких образов. Способы депозитизации — бытовой характер ассоциаций: *сердце* — *ночник* (М. Цветаева), *душа* — *совмещенный санузел* (А. Вознесенский), использование обозначений с отрицательными коннотациями: *сердце* — *вор* (С. Есенин), выбор стилистически сниженных синонимов и названий «непривлекательных» животных: *душа* — *кляча* (В. Высоцкий), *душа* — *мышь* (И. Бродский), слова с уменьшительными суффиксами, разрушающие мифологические ассоциации производного слова: *речка души* (И. Бродский).

Библиография:

- BAKINA, M. A. (1995): Ustojčivyye jazykovyye formuly v poèzii XX veka (na materiale poèzii D. Bednogo i B. Sluckogo). In: GRIGOR'JEV, V. P. (red.): *Očerki istorii jazyka russkoj poèzii XX veka. Obraznyje sredstva poètičeskogo jazyka i ich transformacija*. Moskva, s. 106–143.
- FATEJEVA, N. A. (1995): Semantičeskije preobrazovanija v poèzii i proze odnogo avtora i v sisteme poètičeskogo jazyka. In: GRIGOR'JEV, V. P. (red.): *Očerki istorii jazyka russkoj poèzii XX veka. Obraznyje sredstva poètičeskogo jazyka i ich transformacija*. Moskva, s. 178–260.
- GRIGOR'JEVA, A. D. (1980): *Slovo v poèzii Tjutčeva*. Moskva.
- CHOCHONIN, D. Je. (2015): *Leksika semantičeskoj sfery «muzyka» v metaforičeskom upotreblenii*. Avtoreferat dis. kandidata filologičeskich nauk. Voronež.
- KOVTUNOVA, I. I. (2003): *Očerki po jazyku russkich poètov*. Moskva.
- KOVTUNOVA, I. I. (1986): *Poètičeskij sintaksis*. Moskva.
- KOŽEVNIKOVA, N. A. (1986): *Slovouputreblenije v russkoj poèzii načala XX veka*. Moskva.
- KOŽEVNIKOVA, N. A. (1995): Èvoljucija tropov. In: GRIGOR'JEV, V. P. (red.): *Očerki istorii jazyka russkoj poèzii XX veka. Obraznyje sredstva poètičeskogo jazyka i ich transformacija*. Moskva, s. 6–79.
- KOŽEVNIKOVA, N. A., PETROVA, Z. Ju. (2017): *Materialy k slovarju metafor i sravnenij russkoj literatury XIX–XX vv. Vyp. 4. Kamni, metally*. Moskva.
- KOŽEVNIKOVA, N. A., PETROVA, Z. Ju. (2000): *Materialy k slovarju metafor i sravnenij russkoj literatury XIX–XX vv. Vyp. 1. Pticy*. Moskva.

- KOŽEVNIKOVA, N. A., PETROVA, Z. Ju. (2017): *Materialy k slovarju metafor i sravnenij ruskoj literatury XIX–XX vv. Vyp. 5. Tkani, izdelija iz tkanej*. Moskva.
- KOŽEVNIKOVA, N. A., PETROVA, Z. Ju. (2010): *Materialy k slovarju metafor i sravnenij ruskoj literatury XIX–XX vv. Vyp. 2. Zveri, nasekomyje, ryby, zmei*. Moskva.
- NEKRASOVA, Je. A. (1994): Olicetvorenije v idiostile (funkcional'nyj aspekt). In: GRIGOR'JEV, V. P. (red.): *Očerki istorii jazyka ruskoj poëzii XX veka. Tropy v individual'nom stile i poëtičeskom jazyke*. Moskva, s. 54–105.
- PAVLOVIČ, N. V. (2004): *Jazyk obrazov: paradigmny obrazov*. Moskva.
- PAVLOVIČ, N. V. (2007): *Slovar' poëtičeskich obrazov. V 2 t.* Moskva.
- PETROVA, Z. Ju. (1995): Obraznyje oboznačenija ěmocij v ruskoj poëzii XX veka. In: GRIGOR'JEV, V. P.: *Očerki istorii jazyka ruskoj poëzii XX veka. Obraznyje sredstva poëtičeskogo jazyka i ich transformacija*. Moskva, s. 79–106.
- PETROVA, Z. Ju., FATEJEVA, N. A. (2021): *Materialy k slovarju metafor i sravnenij ruskoj literatury XIX–XX vv. Vyp. 6. Čelovek. Žizn', smert', sud'ba, vremja*. Moskva.
- SINEL'NIKOVA, L. N. (1975): *Imennaja perifraza v jazyke sovremennoj sovetskoj poëzii: strukturno-semantičeskaja i stilističeskaja charakteristika*. Avtoreferat dis. kandidata filologičeskich nauk. Moskva.
- SINEL'NIKOVA, L. N. (2022): Kognitivnyj potencial nazvanij rastitel'nogo mira v poëtičeskom diskurse. In: STOJANOVA, Je. (red.): *Problemy kognitivnogo i funkcional'nogo opisanija ruskogo i bolgarskogo jazykov*. Vypusk 16/1. Šumen, s. 47–57.
- STEPANČENKO, I. I. (1991): *Poëtičeskij jazyk Sergeja Jesenina (analiz leksiki)*. Char'kov.
- TIL'MAN, Ju. D. (1999): «Duša» kak bazovyj kul'turnyj koncept v poëzii F. I. Tjutčeva. In: TELIJA, V. N. (red.): *Frazeologija v kontekste kul'tury*. Moskva, s. 203–213.

About the author

Gigla Dzhyndzholiia, University of West Bohemia, Faculty of Education, Department of Russian and French Language, Pilsen, Czech Republic, giglad.17@gmail.com

